Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном уголовном праве в исторической ретроспективе

Мозжегорова Александра Юрьевна
аспирант, Сургутский государственный университета, mozzhegorova98@mail.ru

Историческая ретроспектива показывает, что корни дифференциации ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ связаны с традициями государственного контроля в сфере медицины и торговли потенциально опасными товарами, с религиозно-нравственными представлениями, а также с постепенным становлением правовых категорий «яды», «зелья», «лекарства», «отравы», позднее – «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор». В статье предпринята попытка выявить особенности становления и дифференциации уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным оборотом наркосодержащих и психоактивных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном праве. В рамках исследования особое значение имеет демонстрация преемственности в праве, выявление специфики криминализации и дифференциации уголовной ответственности за данные деяния на разных этапах развития нашего государства.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, национальная безопасность, наркопреступность, социальная опасность, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры.

Проблематика незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современном уголовном праве обычно воспринимается как относительно «новая» сфера, требующая государственного реагирования, сформировавшаяся главным образом в XX веке в связи с развитием фармацевтической промышленности, химии, интернационализации преступности.

Правовая действительность Древней Руси не знала понятий «наркотические средства» и «психотропные вещества» в современном смысле, поскольку отсутствовала развитая химическая и фармацевтическая классификация. Вместе с тем, в быту и в медицине использовались растения и вещества, обладающие одурманивающим, болеутоляющим и снотворным эффектом. Их законный оборот не выделялся как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Регулятивные механизмы раннего права сосредотачивались вокруг иных задач: поддержание общественного порядка, предотвращение отравлений и убийств, подавление колдовства и «чародейства», а также охрана религиозных и нравственных устоев. В этом смысле интересен Церковный устав князя Владимира Святославича [4], который относил «ведьство и зелейничество» к ведению церковного суда. Наказание за такие деяния преследовало цель борьбы с язычеством и колдовством, а не охрану здоровья. Системной дифференциации ответственности за оборот одурманивающих веществ в этот период не существовало, что объясняется следующим: 1) право было ориентировано не на «вину и личность преступника», а на восстановление нарушенного порядка через возмещение; 2) слабая роль государства (разветвленной системы следствия, прокуратуры и постоянных судов еще не было, поэтому сложные модели ответственности (с множеством составов, выделением степени участия) были трудно реализуемы.

Источники древнерусского права (прежде всего, это Русская Правда [5], позднее – Судебники [6; 7]) задавали основную парадигму: ответственность акцентировалась не на «веществах» как таковых, а на причинении вреда и способах совершения посягательств. Если определенные средства применялись как «зелье» или «отрава» для причинения смерти или вреда, то ответственность наступала соответственно за убийство, отравление, а не за сам оборот вещества.

Существенное значение для допетровской эпохи имели церковные нормы и нравственные представления. Приравнивание некоторых практик употребления «зелья» к греховному поведению, а также преследование колдунов, знахарей и чародеев формировали ранний опыт государственного контроля над психоактивными веществами посредством их запретов. Однако, как указывает М.А. Темботова, этот контроль выражался не в системной регламентации оборота, а в преследовании опасного социального поведения [24, с. 43]. Для дифференциации уголовной ответственности это важно тем, что впоследствии специальные признаки субъекта (например, врач, аптекарь, должностное лицо) станут самостоятельными критериями усиления ответственности, на данном же этапе к ответственности привлекался «знахарь-отравитель» как лицо, обладающее специальными знаниями и потому потенциально более опасное.

Переход к государственной модели регулирования начал проявляться в усилении роли централизованной власти в позднесредневековый период, особенно в Московском государстве. Судебники 1497 [6] и 1550 [7] годов, а также Соборное уложение 1649 года [8] отражали тенденцию к кодификации и усилению контроля над деяниями, воспринимаемыми как угроза гос-

ударственному порядку. Хотя напрямую в нормативных источниках упоминания об обороте наркотических средств отсутствовали, тем не менее, в этот период проявляется более отчетливая линия на пресечение отравлений и противоправного врачевания. Здесь важен сам механизм: государство начинает признавать необходимость контроля за оборотом опасных веществ в связи с развитием медицины и торговли. В XVII веке формируется более организованная аптечная система и государственный интерес к регулированию лекарственных средств усиливается. Это создает предпосылки для следующего этапа, когда регулирование обращения опиума, морфина и иных препаратов становится предметом не только медицинских предписаний, но и правовых ограничений с уголовно-правовыми последствиями.

Таким образом, допетровский этап характеризуется тем, что еще нет ответственности, известной современному уголовному право за оборот наркотических средств и психотропных веществ, но уже прослеживается становление и усиление государственного контроля над медициной.

Переход к имперскому периоду происходит через институционализацию медицины и государственного управления, а также через влияние европейского законодательства, что привнесло научную классификацию веществ и более четкие подходы к регулированию фармацевтического оборота.

Начиная с правления Петра I, прослеживается формирование более развитого государственного аппарата, рост городов, торговли и промышленности, а также развитие медицины и фармакологии. Эти процессы объективно усилили значимость правового контроля над лекарственными средствами, ядами и сильнодействующими веществами. В это время регулирование опасных веществ начинает строиться не только вокруг последствий (таких, как отравление, смерть), но и вокруг самого факта незаконного обращения с веществами, которые государство признает опасными и требующими специального режима [22, с. 23]. «Опасный предмет» и «нарушение оборота» становятся признаками самостоятельного состава преступления.

Е.В. Рогова обращает внимание на то, что ранние периоды существования Российской империи связаны с регулированием аптечного дела и медицинской практики, что имело, как отмечается в научной юридической литературе, административно-полицейский характер: государство стремилось контролировать производство, хранение и отпуск лекарств через систему аптек и получение специальных разрешений, что постепенно приводило к признанию наказуемым нарушений установленного порядка их оборота [23, с. 17]. Дифференциация ответственности на данном этапе выражалась в разделении деяний по профессиональному признаку: аптекарь и врач несли ответственность за нарушения правил, поскольку их деятельность сопряжена с повышенным риском распространения опасных средств. Этот подход концептуально близок современным нормам, предусматривающим ответственность за незаконное производство и сбыт, совершенные определенными лицами, либо за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Дальнейшее развитие связано с кодификацией уголовного законодательства. Свод законов Российской Империи [9] и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [10] отражали усложнение структуры преступлений, а также более четкое выделение общественно опасных деяний против здоровья населения и общественного порядка. Хотя термин «наркотик» еще не являлся устойчивым юридическим понятием, в законодательстве и подзаконном регулировании заметно укреплялась категория «ядов» и «сильнодействующих веществ», контролируемых государством. В юридическом смысле это важно: через регулирование «ядов» право вырабатывало технику установления особого режима обращения вещества и последующего уголовно-правового реагирования на его нарушения. Для дифференциации ответственности это создало две линии: 1) ответственность за причинение вреда с использованием опасного вещества; 2) ответственность за незаконный оборот такого вещества вне зависимости от наступления вредных последствий (например, продажа без соблюдения правил).

Во второй половине XIX – начале XX века усиливается международный контроль опиума. Российская империя включалась в мировую торговлю и сталкивалась с проблемой немедицинского потребления. Это привело к укреплению надзора за оборотом препаратов, содержащих опиум и иных одурманивающих средств. Врачи широко применяли опий, морфин, позже и кокаин в медицинских целях. В связи с этим постепенно формируется социальное осознание зависимости как проблемы, однако на практике еще преобладает борьба с незаконной торговлей, а не с потребителем как таковым [23, с. 53].

На рубеже веков заметны элементы будущей дифференциации по «операциям» с веществом: изготовление и продажа рассматриваются как более опасные действия, чем хранение для личных нужд, хотя четкого деления еще нет. Параллельно развивается таможенный и пограничный контроль, что также закладывает будущее уголовно-правовое реагирование, известное сегодня как установление ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Уголовное уложение 1903 года [11] усилило контроль за оборотом опиума и кокаина. С.Ю. Японьская пишет по этому поводу следующее: ключевым этапом в деле противодействия распространению и употреблению наркотиков стал Указ Николая II от 7 июня 1915 года «О мерах борьбы с опиумокурением», в котором впервые появилась четкая дифференциация ответственности в зависимости от цели деяния. Наказание за сбыт и содержание притонов было значительно строже, чем за простое хранение наркотических средств [25, с. 28]. В продолжение своей мысли С.Ю. Японьская указывает, что закон также ввел территориальную дифференциацию: наиболее жесткие меры применялись в Приамурском генерал-губернаторстве и Туркестане, где проблема стояла наиболее остро. Субъектом преступления признавался не только продавец, но и держатель «инфраструктуры» для потребления [25, с. 32].

Начиная с 1917 года, законодательство в сфере незаконного оборота наркотических средств меняет свой вектор, что связывается, в первую очередь, со сменой государственной власти. Советское право прошло путь от полного игнорирования проблемы незаконного оборота наркотиков до применения жестких мер наказания. Изменения в подходах правового регулирования связаны не только с политико-экономической сменой системы, но и с радикальной трансформацией правовой идеологии и модели управления государством. Если в Российской империи постепенно выстраивались режимы контроля через сочетание полицейского надзора, установления медицинских правил и уголовно-правовых запретов в отношении отдельных опасных веществ, то в советский период в значительной степени был расширен уголовно-правовой инструментарий: он стал более ориентированным на охрану здоровья, дисциплины и порядка, а также на централизованное управление оборотом через государственную монополию и административное планирование. При этом ранее существовавшая основа – аптечное регулирование, идея специального режима обращения, различение профессиональных субъектов – не исчезла, а стала основой для советской системы.

Советский этап является ключевым для формирования современного понимания незаконного оборота наркотиков как сложного многоэлементного явления, требующего разветвленной системы уголовно-правовых запретов. В период становления советского государства правовая система переживала смену правовых источников и подходов, одновременно государство стремилось быстро упорядочить сферы, связанные с медициной, фармацевтической деятельностью и общественной безопасностью. Значение уголовного права в этой области усиливалось, а контроль над оборотом веществ тесно связывался с

государственной системой здравоохранения и санитарного надзора [24, с. 51].

В ранний советский период законодательство строилось на принципе защиты «народного здравия». Дифференциация уголовной ответственности за исследуемые деяния в 1920-е годы проводилась по принципу социальной опасности и с учетом цели извлечения прибыли. Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1926 года [13] разделял ответственность на несколько уровней. Выделялось изготовление и хранение наркотических средств с целью сбыта и без такой цели: «Изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения» (ст. 104).

В 1930-1950-е годы наблюдалась тенденция к криминализации посевов мака и конопли без надлежащего разрешения. Ответственность стала дифференцироваться по виду культуры: возделывание опийного мака каралось строже, чем выращивание конопли (ст. 179-а). Наказание зависело от масштабов посевных площадей и наличия рецидива. Профессиональная деятельность (например, хищение наркотиков медицинскими работниками) начала выделяться в самостоятельный вид противоправного поведения с повышенной ответственностью.

Уголовные кодексы союзных республик и общесоюзные подходы постепенно закрепляли ответственность за незаконное изготовление, хранение и сбыт. При этом существенной особенностью советской модели стала «ориентация на сбыт» как на наиболее опасную форму противоправной деятельности. По мере роста распространенности немедицинского потребления наркотических веществ право начало более четко разграничивать «действия, создающие рынок сбыта», «действия, вовлекающие других» (сбыт, распространение, организация притонов), и «действия, связанные с личным потреблением» (хранение без цели сбыта). Хотя на разных этапах развития советского государства отношение к потребителю менялось, общая тенденция к дифференциации ответственности в зависимости от цели деяния и от роли лица в обороте постепенно усиливалась.

Масштабные изменения произошли в УК РСФСР 1960 года [14] и посредством принятия последующих указов Президиума Верховного Совета СССР (особенно в 1974 и 1987 годах). Так, например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.06.1987 № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» [16] ввел примечание, согласно которому лицо, добровольно обратившееся в медицинское учреждение за получением медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств без назначения врача, освобождалось от административной ответственности. Правовая доктрина этого периода выделила множество квалифицирующих признаков. Во-первых, ответственность стала зависеть от размера (выделяются крупный и особо крупный размер). Во-вторых, была детально проработана дифференциация уголовной ответственности по стадиям, несмотря на то, что не было введено отдельных правовых норм, которые прямо регулировали бы ответственность только за «приготовление» или «покушение» на наркопреступление. Однако, основной акцент был сделан на выделение «усеченного» состава хищения и ролям соучастников (например, хищение наркотиков путем совершения разбоя или кражи наказывалось гораздо жестче, чем приобретение). В-третьих, в числе оснований для усиления ответственности стали признаваться повторность совершения преступления и наличие судимости.

В 1972 году после присоединения СССР к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. [19] произошло изменение отечественного законодательства. В 1974 году принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, который четко разграничил такие составы преступлений, как хищение наркотических средств, изготовление и сбыт, хранение без цели сбыта, склонение к потреблению [21, с. 12].

Советская модель ввела понятие «крупного размера» как квалифицирующего признака, что стало фундаментом для дифференциации наказания. Важным при рассмотрении дифференциации уголовной ответственности является вопрос о включении в закон и разделении таких понятий, как «наркотические средства» и «психотропные вещества». Понятие «наркотические средства» на законодательном уровне в отечественной практике было закреплено значительно раньше, чем термин «психотропные вещества». Термин «наркотические средства» (или «наркотики») начал активно использоваться в нормативных актах в 1920-х годах. В УК РСФСР 1922 года [12] и последующих декретах ВЦИК уже использовались формулировки, касающиеся сильнодействующих и одурманивающих веществ, однако четкое юридическое определение «наркотические средства» закрепилось в общесоюзном законодательстве с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 года «Об усилении борьбы с наркоманией» [17]. Именно этот акт систематизировал терминологию и выделил наркотики в самостоятельный предмет преступления, опираясь на перечни, утвержденные профильными ведомствами.

Понятие «психотропные вещества» вошло в отечественный законодательный оборот существенно позже. Его легализация была обусловлена необходимостью приведения внутреннего права в соответствие с нормами международного права, а именно с Конвенцией о психотропных веществах 1971 года [20]. В советском законодательстве это понятие начало эпизодически упоминаться в подзаконных актах Минздрава в 1970-х, но полноценное закрепление в уголовном праве произошло лишь в самом конце существования советского государственного строя и окончательно утвердилось в постсоветский период [25, с. 34].

В законодательство термин «психотропные вещества» в дополнение к «наркотическим средствам» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» [18]. С этого момента в правовых нормах стала использоваться устойчивая связка этих двух понятий, разделяющая вещества в зависимости от их химического состава, воздействия на нервную систему человека и установленного режима международного контроля. Окончательная дифференциация этих понятий и их детальные определения были закреплены уже в современном российском праве.

Действующее уголовное законодательство представляет собой сложную систему с высокой степенью дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.

Особенности современной дифференциации уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) состоят в выделении следующих критериев: 1) по предмету (разделение на наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, а также растения, содержащие наркокомпоненты. При этом наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги объединены в рамках одних и тех же составов (ст. 228, 228.1 УК РФ), и различий в ответственности в зависимости от вида вещества закон не предусматривает; 2) по количественному критерию. Здесь надо отметить, что Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [3] (далее – Постановление Правительства РФ № 681) устанавливает количество, которое охватывается понятием «значительный», «крупный» и «особо крупный» размер для каждого вещества. Это один из главных инструментом разграничения ответственности. Тем самым современный законодатель признал, что ответственность должна различаться в зависимости от размера вещества. Это принципиальное отличие от ранних эпох, где количество могло учитываться судом фактически, не имело юридического значения для дифференциации ответственности.

Современная модель уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном уголовном праве является результатом длительного исторического накопления правовых подходов. Существующая дифференциация выражается в многоуровневой системе критериев: вид деяния (производство, сбыт, пересылка, хранение, перевозка, изготовление, переработка), цель (сбыт, без цели сбыта), предмет (наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоры), размер, иные квалифицирующие признаки (организованная группа, использование служебного положения, вовлечение несовершеннолетних), а также появились самостоятельные составы, обеспечивающие пресечение функционирования «инфраструктуры» (притоны, нарушения правил оборота).

На каждом из изученных периодов был внесен свой вклад в становление и дифференциацию ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. В древнерусский и допетровский период отсутствовала самостоятельная ответственность за незаконный оборот психоактивных веществ. Они не выделялись в качестве специального предмета преступления, а рассматривались сквозь призму общих норм: ответственность наступала лишь за конкретные последствия (например, отравление, доведение до беспамятства) или за определённый способ причинения вреда (например, подсыпание в питьё, зельеварение с целью убийства). Эта модель не исчезла: современное право попрежнему усиливает ответственность, когда оборот наркотиков приводит к тяжким последствиям, либо когда деяние создает повышенную опасность для неопределенного круга лиц. Несмотря на то, что современный закон гораздо чаще использует формальные составы, связь с логикой древнего права остается при квалификации и назначении наказания.

В период Российской империи была реализована идея специального режима обращения опасных веществ, тесно связанная с профессиональной ответственностью и государственным контролем за медициной. Из этой эпохи происходит мысль, что опасные вещества могут быть легальны в медицине, но незаконны при нарушении порядка их отпуска, учета, хранения и реализации. Отсюда – современная дифференциация между «легальным оборотом» и «незаконным оборотом», а также ответственность за нарушения правил оборота в тех сферах, где такие вещества допустимы (аптеки, медицина, химическая промышленность). Практика Российской империи в сфере осуществления контроля ядов и сильнодействующих средств фактически является прототипом современных режимов учета и лицензирования.

В советский период наблюдается более системный подход к уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом. Именно здесь окончательно закрепилась дифференциация ответственности по цели (цель сбыта оценивается как повышающая общественную опасность), по размеру, по перечням (списки веществ), а также сконструированы так называемые инфраструктурные составы (организация и содержание притонов признаются преступными). Все это сегодня составляет «каркас» правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Наконец, появление в современном праве категорий «аналоги» и «прекурсоры» является исторически обусловленным ответом на технологическое развитие. Если ранние эпохи не нуждались в таких понятиях из-за ограниченности ассортимента и медленного обновления веществ, то реальность столкнулась с постоянной модификацией формул, попытками обхода запретов (создание «дизайнерских» веществ), а также с промышленным оборотом. Введение ответственности за прекурсоры логически продолжает линии контроля над опасными товарами и медицинско-химическими ресурсами, но делает акцент на предотвращение производства на ранних стадиях. Тем самым историческая эволюция приводит к расширению объекта охраны: не только здоровье, но и безопасность общественных отношений в сфере обращения химических веществ, способных быть использованными для создания запрещенных препаратов.

Для понимания исторической ретроспективы особенно важно показать не просто перечень эпох, а механизм перехода. Переход от Древней Руси к Московскому государству и допетровскому регулированию в рассматриваемой сфере происходил не через «наркотики» как таковые, а через усиление кодификации и государственного контроля над опасными способами причинения вреда (колдовство, отравление). Уголовно-правовое значение имел не химический состав вещества, а социальная опасность деяния. Это был период, когда дифференциация строилась на морализаторско-охранительной основе: что подрывает порядок и нравы, то и преследуется. Внутри этой логики постепенно оформлялась потребность в контроле медицинской практики: власть начинала отличать допустимое «врачевание» от опасного «знахарства». Именно это различение стало мостом к периоду, когда медицина и фармацевтика превратились в институционализированную сферу государственного управления.

Переход от допетровской эпохи к имперской модели был связан с европеизацией, созданием государства и развитием рынка. Право стало работать с товаром и профессией. Опасное вещество перестало быть только «орудием» и стало объектом режима оборота: его можно производить, хранить, отпускать, перевозить, но по правилам. Нарушение правил стало рассматриваться как самостоятельная опасность. Это качественное изменение: впервые возникает конструкция, близкая к современным составам незаконного оборота, где общественная опасность заключена в самом факте нарушения установленного режима.

Переход от Российской империи к советскому периоду сопровождался разрывом правовой системы, но в сфере контроля опасных веществ произошла скорее трансформация административно-полицейского контроля в централизованную государственную систему управления здравоохранением и промышленностью. Идея установленного государством режима обращения сохранилась, но стала жестче и более унифицированной. Уголовное право в этой сфере стало системным инструментом государственного воздействия, а дифференциация ответственности приобрела более четкие юридические критерии: цель, размер, степень организованности.

Переход от позднесоветского периода к современному праву в исторической логике выступает этапом усложнения предмета преступления (аналоги, прекурсоры, синтетические вещества). Однако ядро дифференциации (наличие цели сбыта; размер вещества; выделение специальных субъектов преступления и др.) было подготовлено именно предшествующими этапами. Поэтому современное регулирование нельзя считать возникшим «с ноля»: оно является итогом накопления правовых знаний, от ранней охраны от отравлений – к дисциплине фармацевтического оборота, оттуда – к разветвленной системе уголовно-правовых запретов.

Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод. Современное регулирование в отечественном уголовном праве представляет собой результат исторического развития, где каждый этап добавлял новые элементы дифференциации уголовной ответственности: сначала оценку повышенной опасности, затем идею специального режима оборота и профессионального контроля, позднее – системность составов и формализованные критерии. Понимание этой ретроспективы позволяет точнее оценивать логику современных норм, их социальное назначение и направления возможного развития: дальнейшее уточнение предмета правового регулирования в условиях появления новых веществ и технологий неизбежно будет опираться на исторически выработанный баланс между медицинской допустимостью, государственным контролем и уголовно-правовым запретом как крайней мерой охраны общественного здоровья и безопасности.

Литература

1.Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022 г. – Ст. 0001202210060013.

2.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3.Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». – URL: http://government.ru/

4.Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija

5.Русская Правда. Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/rus-pravda?ysclid=mlv5wy4npq624334409

6.Судебник (1497). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497?ysclid=mlv5y7v27a386404392

7.Судебник (1550). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550?ysclid=mlv5znb8we54241853

8.Соборное уложение (1649). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoeulozgenie1649?ysclid=mlv60oai6a962730436

9.Свод Законов Российской Империи. Режим доступа. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&ysclid=mlv61rabpj298281490

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=mlv62z6w2c13938191

11. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. – Санкт-Петербург: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

12. Уголовный кодекс РСФСР (1922). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mlv6nrlolh222226488

13. Уголовный кодекс РСФСР (1926). Режим доступа. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=mlv65nsa46387256659

14. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/?ysclid=mlv6fxaf5l447579162

15. Указ Президиума ВС РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР». Режим доступа – URL: https://base.garant.ru/5181145/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/

16. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.06.1987 № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР». – URL: https://base.garant.ru/1308727/

17. Указ Президиума ВС СССР от 25.04.1974 № 5928-VIII «Об усилении борьбы с наркоманией». Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44841&ysclid=mlv6oxhgke841551406#JFt3nBV4MNjdlTbs

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1987 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР. Режим доступа. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074279&backlink=1&nd=102010186&rdk=0&ysclid=mlv6rr52oa897178229

19. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961). – URL: https://www.consultant.ru/ [СПС «КонсультантПлюс»]

20. Конвенция о психотропных веществах (1971). URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf

21. Витовская Е.С. Незаконный оборот наркотических средств как основание уголовной ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации: учебное пособие / Е.С. Витовская. – Новокузнецк: КИ ФСИН России, 2021. – 43 с.

22. Рогова Е.В. Теоретико-правовое понимание и средства дифференциации уголовной ответственности в современном уголовном праве России: монография / Е.В. Рогова. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2022. – 129 с.

23. Савинков А.А. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/ Антон Андреевич Савинсков. – Москва, 2025. – 309 с.

24. Темботова М.А. Уголовная ответственность за незаконный оборот потенциально опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марьяна Арсеновна Темботова. – Москва, 2020. – 212 с.

Differentiation of criminal liability for the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors in domestic criminal law in historical retrospect

Mozzhegorova A.Yu.

Postgraduate student at Surgut State University

A historical review reveals that the roots of the differentiation of liability for the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances are linked to the traditions of state control in medicine and the trade in potentially dangerous goods, religious and moral beliefs, and the gradual development of the legal categories of «poisons», «potions», «medicines» and later, «narcotic drug», «psychotropic substance» and «precursor». This article attempts to identify the development and differentiation of criminal liability for acts related to the illegal trafficking of narcotic and psychoactive substances, their analogues, and precursors in Russian law. This study emphasizes demonstrating legal continuity, identifying the specifics of criminalization, and differentiating criminal liability for these acts at different stages of our country's development.

Keywords: differentiation of criminal liability, national security, drug-related crime, social danger, illegal trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, precursors.

References

1. Constitution of the Russian Federation (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) dated October 6, 2022 – Art. 0001202210060013.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – June 17, 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. RF Government Resolution No. 681 of June 30, 1998 (as amended on June 11, 2025) «On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Precursors Subject to Control in the Russian Federation.» – URL: http://government.ru/
4. Prince Vladimir Svyatoslavich's Charter on Tithes, Courts, and Church People. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija
5. Russkaya Pravda. Access Mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/rus-pravda?ysclid=mlv5wy4npq624334409
6. Sudebnik (1497). Access Mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497?ysclid=mlv5y7v27a386404392
7. Code of Laws (1550). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550?ysclid=mlv5znb8we54241853
8. Cathedral Code (1649). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoeulozgenie1649?ysclid=mlv60oai6a962730436
9. Code of Laws of the Russian Empire. Access mode. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&ysclid=mlv61rabpj298281490
10. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=mlv62z6w2c13938191
11. New Criminal Code, supremely approved on March 22, 1903: = New Criminal Code, supremely approved on March 22, 1903. With app. subject alphanumeric dec. – St. Petersburg: Book Store of V.P. Anisimov, 1903. – 253 p.
12. Criminal Code of the RSFSR (1922). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mlv6nrlolh222226488
13. Criminal Code of the RSFSR (1926). Access mode. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=mlv65nsa46387256659
14. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960). Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/?ysclid=mlv6fxaf5l447579162

15. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 15, 1974 «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the RSFSR». Access mode – URL: https://base.garant.ru/5181145/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/
16. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of June 29, 1987 No. 6462-XI «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Code of the RSFSR on Administrative Offenses, and Other Legislative Acts of the RSFSR». – URL: https://base.garant.ru/1308727/
17. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 25, 1974 No. 5928-VIII «On Strengthening the Fight against Drug Abuse». Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44841&ysclid=mlv6oxhgke841551406#JFt3nBV4MNjdlTbs
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1987 «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the USSR». Access mode. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074279&backlink=1&nd=102010186&rdk=0&ysclid=mlv6rr52oa897178229
19. Single Convention on Narcotic Drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Done at New York on 30 March 1961). – URL: https://www.consultant.ru/ [SPS «ConsultantPlus»]
20. Convention on Psychotropic Substances (1971). URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf
21. Vitovskaya E.S. Illegal Drug Trafficking as a Basis for Criminal Liability under the Criminal Code of the Russian Federation: A Study Guide / E.S. Vitovskaya. - Novokuznetsk: KI FSIN of Russia, 2021. - 43 p.
22. Rogova E.V. Theoretical and Legal Understanding and Means of Differentiating Criminal Liability in Modern Criminal Law of Russia: A Monograph / E.V. Rogova. - Irkutsk: VSI MVD of Russia, 2022. - 129 p.
23. Savinkov A.A. Criminal-Legal and Criminological Counteraction to the Inducement to Consume Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08 / Anton Andreevich Savinskov. - Moscow, 2025. - 309 p.
24. Tembotova M.A. Criminal Liability for Illegal Trafficking in Potentially Dangerous Psychoactive Substances: Dis. ... Cand. of Law: 12.00.08 / Maryana Arsenovna Tembotova. – Moscow, 2020. – 212 p.